

Состояние Чи Нина не было стабильным. После нескольких приступов лихорадки, к шести утра он наконец стабилизировался и смог нормально поспать.

Чу Шаочэнь, который всю ночь сидел у его кровати, закончив просматривать материалы, присланные Роулзом, немного поморщился и поднял взгляд на Чи Нина, который только что заснул.

Его взгляд пробежался по лицу Чи Нина и остановился на руке, которую тот крепко держал.

Около трех часов ночи у Чи Нина внезапно поднялась температура, спал он очень беспокойно, и, едва уснув, продолжал морщить лоб и дрожать.

Он пытался вспомнить движения, которые запомнил, и немного неуклюже похлопал Чи Нина по руке, чтобы успокоить его.

Когда он убрал руку, Чи Нин крепко схватил его за запястье и не отпускал.

Попытавшись отдернуть руку, он понял, что это невозможно, особенно когда он двигался, Чи Нин еще сильнее морщил лоб.

Ему ничего не оставалось, как оставаться в этом положении всю ночь.

К счастью, Чи Нин спал намного спокойнее во второй половине ночи. Даже если температура снова поднималась, у него не было испуганного выражения лица, словно его преследуют кошмары.

Аромат голубого ледяного кипариса, выделяемый его железами, наполнял всю комнату и успокаивал Чи Нина.

Одна рука у него затекла, и Чу Шаочэнь опустил стул, полулёжа на спинке, думая о тех словах, что Роулз сказал ему.

Три высокопоставленных исполнителя Федерации хотят использовать его, чтобы вырезать гниль, поэтому им, вероятно, придется закрыть глаза на некоторые вещи и убрать преграды.

Похоже, что его враги — это не три старых лиса.

Избавиться от него хотят не только потому, что боятся его, а отчасти и потому, что чувствуют приближение опасности.

Что касается предателя Лейка, который может быть в Федерации, это нужно будет тщательно проверить.

Чу Шаочэнь немного двинул рукой, и это привело к тому, что Чи Нин начал шевелиться, как будто собирался проснуться.

Неосознанно он крепко сжал то, что держал в руке, Чи Нин несколько раз сжал его, прежде чем лениво открыть глаза и зевнуть.

После сна он чувствовал себя еще более уставшим, у него не было сил.

Когда он поднял глаза и увидел Чу Шаочэня, сидящего у кровати, с радостью спросил:

— Генерал, почему вы здесь?

Чу Шаочэнь немного подвигал рукой и жестом показал ему, чтобы он посмотрел.

Чи Нин опустил взгляд, смущенно улыбнувшись, отпустил его руку и тихо извинился:

— Извините, у меня есть плохая привычка спать с чем-то в руках.

Несмотря на то, что он все еще чувствовал слабость, Чи Нин был необычайно возбужден и, откинув одеяло, встал на колени на краю кровати:

— Как насчет того, чтобы я помассировал вам руку? В противном случае рука станет онемевшей, и если кто-то увидит, подумает, что произошло что-то странное, это может вызвать недоразумение.

Например, он использовал руку Чу Шаочэня как подушку или что-то в этом роде.

Пока не дошло до этого, было бы нехорошо вызвать недоразумение.

— Сначала уברי свои ноги.

Ладонь Чу Шаочэня была поднята вверх, его рука уже затекла и не могла двигаться.

Когда Чи Нин встал, он не заметил, как его голень оказалась на руке Чу Шаочэня.

Легкая голень, без ткани, была гораздо более нежной, чем он думал. Волосы на ней не были густыми, и, касаясь ладони, она была такой тоненькой, что он мог обхватить её одной рукой.

Чи Нин сжался, его лицо покраснело от стыда, и он быстро отодвинулся в сторону.

Его тело упало на кучу одеял, а лицо уткнулось в них, он не хотел больше никому показываться.

— Кто говорил, что поможет мне сделать массаж руки?

— Я.

Приглушенный голос Чи Нина донесся из-под одеяла.

Чу Шаочэнь пошевелил запястьем, и покалывание от кисти дошло до плеча:

— Тогда Нин Нин, пожалуйста, помоги мне помассировать плечо? Иначе я не смогу двигаться.

Услышав это, Чи Нин покраснел так, что даже шея стала красной, он немного помедлил, но потом собрался с духом и снова посмотрел на Чу Шаочэня.

Встав на колени на кровати, Чи Нин выпрямил спину, чтобы без труда поднять руки и начать

массировать руку Чу Шаочэня.

Когда его пальцы касались, совершенно другой тактильный опыт заставил Чи Нина открыть глаза от удивления и с любопытством спросить:

— Генерал, ваши мышцы действительно напряжены.

Они были твердыми, как затвердевшее тесто.

Чу Шаочэнь: ...

Не стоило ему этого говорить.

— Твое горло уже не болит? — Чу Шаочэнь бросил взгляд на часы, было еще рано, только девять утра.

Чи Нин, услышав заботу Чу Шаочэня о себе, боялся, что его болезнь доставит проблемы, и покачал головой:

— Должно быть, уже прошло. Во всяком случае, не болит.

— Но чтобы быстрее выздороветь, все равно меньше говори.

Чу Шаочэнь открыл терминал, собираясь заказать завтрак.

Чи Нин все еще болен, поэтому лучше выбрать что-то легкое.

В процессе заказа блюд он услышал три вздоха.

— Так значит, генерал не хочет меня слушать?

Чи Нин недовольно скривил губы, обе руки висели, как два дятла, стучащие по дереву, и с шумом мяли руку Чу Шаочэня.

Чу Шаочэнь: ...

Как можно не хотеть слушать, и Чи Нин так невинно выглядел, что это ставило его в неловкое положение.

— Ты понимаешь, в каких отношениях мы находимся?

— Мы — супруги! — Чи Нин ответил с полной уверенностью. — Разве генерал не считает нас супругами? Мы зарегистрированы, и, если считать, то уже прошел месяц.

Он бросил на Чу Шаочэня искоса взгляд.

— Генерал думает, что чего-то не хватает?

Чу Шаочэнь немного помолчал, поднял почти нефункционирующую руку и слегка её подвигал.

— Главное, что ты это понимаешь.

— Разумеется, я понимаю. Мы с генералом — супруги с высокой степенью совместимости

феромонов. — Чи Нин потер запястье и задумался. — Генерал, твоя рана полностью зажила?

Ранее он говорил, что нужно месяц на восстановление, и сейчас еще не прошло и месяца.

Восстановление топ-Альфы действительно впечатляет.

Если бы это был он, то потребовалось бы как минимум два месяца.

Чу Шаочэнь потёр кончик носа, увидев искренний взгляд Чи Нина, который действительно заботился о его ранении, и слегка кашлянул:

— Ну, я проверял вчера, и все в порядке...только...

— Только?

— Только, что? Неужели есть какие-то последствия?

— Нет, но для того, чтобы управлять мехом, потребуется еще некоторое время.

Чи Нин вздохнул с облегчением и укоризненно посмотрел на него:

— Тогда вам не на что жаловаться, — он похлопал Чу Шаочэня по плечу. — Я собираюсь умыться, не хотите присоединиться ко мне, генерал?

Чу Шаочэнь рассмеялся:

— Ты сначала умойся, я пойду позже.

Его взгляд скользнул от свободного выреза пижамы Чи Нина, и его кадык перекатился вверх и вниз.

Чи Нин, потянувшись за обувью, не заметил, что его пижама была слишком свободной, и увидел новое сообщение в оптическом мозгу.

Это был Тан Си. «Нин Нин, ты заболел? В сети все обсуждают, как вчера генерал нес тебя к машине. Могу я прийти навестить тебя?»

Вчера Чу Шаочэнь отнес его в машину?

Что в этом такого? Почему всем так любопытно?

Чи Нин ответил на сообщение, заходя в ванную. «Это просто небольшая простуда, уже все прошло. Но ты можешь прийти ко мне в гости, тебе удобно?»

Он пригласил не только Тан Си, но и Ло Юаня.

Что касается Ло Юаня, он всегда чувствовал небольшую вину.

Не из-за того, что он перекладывал вину за поступки Чи Минфана на себя, а потому, что как член семьи Чи он чувствовал себя обязанным перед Ло Юанем.

Тан Си: «Это будет удобно?»

Чи Нин уже одной ногой стоял в ванной, увидев это сообщение, он вернулся, быстро подошёл к Чу Шаочэню.

— Генерал, я должен кое-что сообщить вам.

Чу Шаочэнь как раз встал, поддерживая Чи Нина, который чуть не упал.

— Говори.

Чи Нин невольно выпрямился.

— Я хочу спросить генерала, могу ли я пригласить двух, ах, нет, трех друзей домой?

Чуть не забыл про маленькую девочку.

С надеждой глядя на Чу Шаочэня, он полагал, что тот не сможет отказать.

Чу Шаочэнь поднял брови:

— Ты хочешь пригласить друзей в гости?

Он еще не выздоровел, а уже думает о развлечениях.

Привычки молодого Омеги снова и снова проявлялись в теле Чи Нина. Железы снова развивались, и это действительно оказывало большое влияние.

Чи Нин кивнул с милым выражением лица:

— Я знаю, что генерал поддержит меня в том, чтобы общаться с друзьями, и не оставит меня запертым дома с книгами. Надеюсь, вы хотите, чтобы я стал разносторонним человеком, верно?

— Мне повезло, что я встретил такого понимающего Альфу, как генерал.

Услышав это, Чу Шаочэнь приподнял уголки губ, с улыбкой в глазах он протянул руку и погладил Чи Нина по голове:

— Значит, я так хорош в сердце Нин Нина?

Чи Нин кивнул, как будто в такт, и его глаза светились от ожидания.

— Для выезда из седьмого района потребуется пропуск, я отправлю людей за ними.

Чу Шаочэнь посмотрел на Чи Нина:

— Есть что-то еще, что ты хочешь сказать?

Чи Нин встретил взгляд Чу Шаочэня и вдруг почувствовал себя неловко, его глаза забегали, а сердце забилось быстрее.

Это все еще симптомы простуды и лихорадки?

Иначе почему ему было жарко каждую минуту после пробуждения.

— Тогда я спущусь вниз.

Чу Шаочэнь не стал настаивать и собрался уйти.

Чи Нин, уставившись на свои носки, немного постоял, затем вдруг поднял голову и, испугавшись, побежал к Чу Шаочэню, врезавшись в его спину.

Увидев, как Чу Шаочэнь обернулся с озадаченным видом. Чи Нин, как будто под влиянием заклинания, держась за руку Чу Шаочэня, встал на цыпочки и быстро поцеловал его в щеку.

Это был очень быстрый поцелуй, он почти не успел коснуться кожи губами, как уже отступил.

— Спасибо! — с этими словами Чи Нин закрыл за собой дверь ванной.

Прислонившись спиной к двери ванной, Чи Нин быстро дышал, его щеки горели.

Он мельком взглянул на себя в зеркало, глаза расширились от удивления, он закрыл их и подошёл к умывальнику, чтобы набрать воды и плеснуть ее на лицо.

Что в этом такого? Это всего лишь поцелуй, ничего особенного.

Что плохого в поцелуе?

Ведь Чу Шаочэнь тоже поцеловал его вчера.

Наконец убедив себя, Чи Нин умылся и, ответив на сообщение Тан Си, вышел из ванной.

Подняв глаза, он увидел Чу Шаочэня, который только что вышел из гардероба с голым торсом.

В руках у него была хлопковая рубашка, и, похоже, он собирался её надеть.

Пресс был четко очерчен, грудные мышцы были крепкими, даже мышцы на руках источали мощный аромат тестостерона.

На левом плече была рана с рубцом, которая, похоже, потребует времени для полного заживления.

Какое красивое тело.

Красивые мышцы и красивые линии.

Гораздо лучше, чем в книгах.

Чу Шаочэнь поднял брови и спросил, надевая одежду:

— На что ты смотришь?

В его словах явно чувствовалось поддразнивание, как будто он знал ответ.

— Мышцы такие красивые...

Чи Нин проглотил оставшиеся слова, едва не подавившись, и, отвернувшись, с серьезным видом сказал:

— У генерала отличная фигура, достойная солдата.

Чу Шаочэнь спросил:

— Хочешь заняться спортом?

Чи Нин с надеждой в голосе ответил:

— Можно?

Чу Шаочэнь, одевшись, вошел в кабинет, который был частью спальни, и увидел вещи Чи Нина, что вызвало у него улыбку.

— Можно, только это не так просто.

— Значит, нужно заниматься спортом каждый день? Это, похоже, не для меня, — с грустью вздохнул Чи Нин.

Он не мог заниматься физической нагрузкой долго, его тело не позволяло. Тск, это снова вина семьи Чи, — подумал он.

Чи Нин все больше и больше подозревал, что семья Чи проводила какие-то эксперименты, направленные на разрушение его тела.

— Но в следующий раз, когда я пойду на базу, я могу научить тебя управлять мехами.

— А мне можно?

— Ты мой Омега, мой законный партнер, конечно, можно.

Небольшое разочарование, которое возникло в душе, тут же исчезло от слов Чу Шаочэня, и Чи Нин улыбнулся, счастливо прищурился глазами.

— Тогда это будет здорово, генерал!

Чу Шаочэнь, взяв документы, вышел из комнаты вместе с Чи Нином.

— Генерал, я забыл сказать вам одну вещь.

— Что?

Чу Шаочэнь должен был заняться делами флота и через неделю вернуться к повседневным тренировкам, поэтому его ожидала большая работа.

Он посмотрел на Чи Нина.

— Это насчет Чи Минфана?

— Нет, нет, — быстро ответил Чи Нин. — Это дело меня не беспокоит, генерал, я просто думал о том, что в конце месяца мне нужно вернуться в дом семьи Чи, чтобы пройти обследование.

— Вернуться в дом Чи для осмотра?

Чу Шаочэнь закрыл файл и недовольно сказал:

— Семья Чи все еще хочет проверить твоё состояние?

Чи Нин с грустью кивнул.

— Так было в конце каждого месяца, так что я должен поехать в течение двух дней, они обязательно узнают о состоянии моих желез, и, возможно...

— Оставь это мне.

— Нет, нет, — замахал руками Чи Нин, потянувшись к руке Чу Шаочэня, показывая ему, чтобы он наклонился поближе.

Оглядевшись по сторонам, он тихим голосом сказал:

— Мне интересно, должен ли я воспользоваться этой возможностью, чтобы узнать, что затевает Чи Минье.

Нет никого более подходящего, чем он, может быть, он сможет получить какие-то образцы или что-то в этом роде.

Доктора семьи Чи были из их собственного исследовательского института, и, поскольку новый эксперимент с искусственными феромонами начался, он, как образец, определенно станет объектом изучения.

Если ему удастся получить образцы, а потом передать их Бай Чену, они скоро узнают, что они делают.

— Нельзя.

Чу Шаочэнь прямо отказался:

— Есть другие способы выяснить это, и тебе не нужно рисковать.

— Но это вряд ли вызовет их подозрения, — нахмурился Чи Нин и посмотрел на Чу Шаочэня, — я буду осторожен.

Чи Нин изучал выражение лица Чу Шаочэня, понимая, что тот не хочет уступать.

Эту ситуацию он мог бы провести тайно, не говоря Чу Шаочэню, но не хотел скрывать от него, поэтому и хотел заранее обсудить.

Но они только начали разговор, как Чу Шаочэнь отказал, и в душе у Чи Нина остался горький осадок.

Чу Шаочэнь, глядя на Чи Нина, сразу понял, о чем тот думает.

— Я не сомневаюсь в тебе, просто это слишком рискованно, твои железы слишком хрупкие.

— Но я проходил осмотры так много лет, и железа все еще хорошо развивается, даже если немного медленнее, на этот раз это не сильно повлияет, может быть, я смогу положить конец семье Чи.

— Чи Нин...

— Генерал, я обещаю, что не подвергну себя опасности.

Глубоко вздохнув, Чу Шаочэнь одной рукой обнял Чи Нина, притянув к себе.

— Я не позволю тебе подвергаться какой-либо опасности, поэтому я улажу это дело сам.

— Это...

— Я не согласен. Речь о твоей безопасности. Я не могу согласиться.

Чи Нин широко открыл глаза, пытаясь оттолкнуть сильную руку, боясь задеть его рану, и недовольно смотрел на Чу Шаочэня.

Властный, слишком властный.

Он лучше всех знает людей семьи Чи, и пока у них есть небольшая потребность в нем, с ним ничего не случится.

Иначе его давно бы выгнали из дома Чи.

Прокормить его тоже стоит денег.

— Твои друзья должны скоро приехать. Сегодня хорошая погода. Вы можете приготовить барбекю в саду.

Чу Шаочэнь отпустил его, его выражение лица оставалось серьезным.

— Ты можешь прийти в кабинет, чтобы обсудить со мной другие вопросы, но не этот.

Когда он убрал руку, Чи Нин смотрел, как Чу Шаочэнь уходит в кабинет.

В сердцах Чи Нин ударил ногой по перилам, но попал пальцем ноги и заскрипел от боли, не удержавшись от недовольного взгляда на двери кабинета.

Он больше не хочет целовать Чу Шаочэня.

Поцелуй? В жопу его.

Он даже готов целовать свинью, но не Чу Шаочэня.

Та маленькая частичка привязанности, которая появилась, была разорвана на куски самим Чи Нином.

Чи Нин, не привыкший шуметь, на этот раз издал больше звуков, чем обычно, и даже его шаги по лестнице стали громче, напугав Восса, который подошел к лестнице с встревоженным лицом.

— Молодой мастер Чи, что с вами случилось?

Восс уже давно считал Чи Нина «своим», особенно учитывая его положение в глазах Чу Шаочэня.

Чи Нин, сдерживая обиду и подавленность, ответил, слегка покраснев:

— Ничего, просто только что получил звонок из дома, поэтому... Извините, что побеспокоил вас.

Чи Нин стиснул губы, стараясь не расплакаться.

— Восс, у меня скоро будут три друга, среди них есть ребенок. Не могли бы вы попросить подготовить что-то поесть? Барбекю в саду или пикник подойдут.

— Генерал уже дал нам указания, продукты готовятся. Свежие овощи и фрукты, мясо тоже уже подготовили.

Восс подумал, что Чи Нин был обиженным ребенком, ведь семья Чи не была хорошей.

Даже к детям у них такое отношение, и это явно не говорит о высоких моральных принципах.

— Мастер Чи, вы теперь законный супруг генерала. Даже если семья Чи решит что-то сделать, они должны учитывать статус генерала и ваш нынешний статус. Вам не нужно беспокоиться о их мнении. Если вам неудобно отказать в разговоре, вы можете передать это мне, я позабочусь.

Восс говорил с добротой старшего:

— Это ваш дом, дом Чи может не быть вашим домом.

Чи Нин, услышав это, почувствовал себя ещё более обиженным, опустил голову и не решился смотреть на Восса:

— Спасибо, Восс. Я пойду в сад.

Сказав это, он быстро вышел из комнаты и вытер глаза тыльной стороной руки. У Омеги действительно много слёз, — подумал он. Может, лучше бы не было этих желез, чертовы физиологические различия.

Чи Нин с красными глазами дошел до сада и, не понимая, почему он плачет, начал рыдать навзрыд.

Сидя на качелях, он позволил слезам падать на одежду.

Я не такой уж слабый, — повторял он про себя. Это просто разногласие во мнениях.

Просто, когда с ним поступают несправедливо, как только кто-то спрашивает «Что случилось?», он не может удержаться, и это не имеет никакого отношения к его слабости.

Просто нормальная физиологическая реакция.

Восс смотрел на удаляющуюся фигуру Чи Нина и был удивлён.

Тот только что говорил с заплаканным голосом, и любой мог бы это заметить, но Чи Нин всё равно не хотел, чтобы кто-то знал, он был настолько сильным, что это вызывало боль в сердце.

Подняв взгляд на кабинет, он немного колебался, но всё же поднялся по лестнице.

Как управляющий, он обязан сообщать Чу Шаочэню обо всех событиях в доме.

«Тук-тук»

Он постучал в дверь кабинета.

Чу Шаочэнь, погружённый в изучение документов, на минуту задумался, услышав стук, и инстинктивно посмотрел на дверь, но быстро осознал, что это не Чи Нин.

Чи Нин обычно стучал не так, сейчас он, вероятно, был в гневе и не стал бы стучать так спокойно.

Догадываясь, кто это, Чу Шаочэнь поднял чашку.

— Входи.

Восс вошел в комнату и с уважением поклонился.

— Генерал.

— Что случилось? — спросил Чу Шаочэнь, просматривая документы, но его внимание было сосредоточено на Воссе.

Он догадывался, что Восс пришёл из-за Чи Нина, вероятно, тот только что выглядел сердитым.

Обычно Чи Нин почти не поазывает этой стороны.

— Я только что видел, как молодой мастер Чи плакал. Похоже, это связано с звонком из семьи Чи. Он там не очень ценится, а вчерашние события с вашим отсутствием на новостях только усугубили ситуацию.

Чи Нин плакал?

Чу Шаочэнь с шумом поставил чашку на стол, и вода выплеснулась.

Растерянный и полный самообвинений, он встал и направился к выходу.

— Где он?

— Он на качелях в саду, — ответил Восс, отступив в сторону, чтобы пропустить генерала. — Генерал, розы в саду очень красиво цветут.

Качели в саду были изначально там, и Восс недавно их отремонтировал, они были крепкими. Деревянное сиденье было украшено цветами.

Чтобы дойти до качелей из гостиной, нужно было пройти по выложенной камнями дорожке, по обеим сторонам которой росли великолепные розы.

Чи Нин сидел на качелях, опустив голову, и даже на расстоянии можно было почувствовать его

грусть.

Когда Чу Шаочэнь вышел из гостиной, он увидел эту картину, его шаг замедлился, и он глубоко вздохнул, прежде чем направиться к Чи Нину.

Его феромоны не могли быть сдержаны, они были мягче, чем обычно.

Аромат голубого ледяного кипариса слишком силён, чтобы заглушить запах роз, и легко проникал в нос Чи Нина.

Чи Нин почувствовал его приближение, но не поднял голову; обе руки опирались на сиденье, ноги касались земли, он медленно раскачивался на качелях.

— Ты не хочешь говорить со мной?

— Ты не хочешь поговорить со мной? — спросил Чу Шаочэнь, подойдя ближе и присев перед ним, положив руку на его колени. — Или ты сейчас очень зол?

Чи Нин продолжал молчать, опустив голову. Я не грущу и не злюсь, — думал он. Просто хочу побыть наедине.

Не спрашивай, что случилось, и не разговаривай со мной, через некоторое время мне станет лучше.

Он плотно сжал губы, избегая искушения.

— Тогда я извиняюсь. Это я был слишком настойчив и не подумал о твоих чувствах. Это может быть общей чертой Альф, привыкших защищать тех, кто им дорог, даже если способ не самый лучший.

Чу Шаочэнь редко говорил так много, особенно с такой терпеливостью.

Он всегда был краток, даже в приказах и общении.

Кроме Чи Нина, у него было всего несколько людей, с которыми он мог говорить, включая Роулза. Даже Ка Сю, Цяо Си и Восс были с ним более уважительны, чем близки.

На самом деле его характер действительно не очень хорош.

С детства его сестра, которая пропала, всегда так говорила.

— Ты молчишь, чтобы наказать меня? — спросил Чу Шаочэнь, беря Чи Нина за руку. — Значит, я наказан? Это намного хуже, чем быть в заточении.

Чу Шаочэнь вздохнул:

— Дела в доме Чи сложнее, чем я думал. Вчерашние материалы были не результатом текущего расследования, а тем, что уже давно проверял кто-то из Федерации. Нин Нин...

— Перестаньте разговаривать.

Чи Нин поднял взгляд и закрыл рукой рот Чу Шаочэня.

— Если вы продолжите, я снова заплачу, это покажет, что я слаб. Я не собирался использовать слёзы как оружие в споре, так что вы говорили серьёзно, верно? Это не из-за моих слёз?

Он убрал руку и, нервно ожидая ответа, посмотрел на Чу Шаочэня.

Чу Шаочэнь немного растерялся, но, с нежностью и безысходностью, сказал:

— Да, это искренне, другой причины нет.

— Тогда мы помирились.

Чи Нин наклонился и обнял Чу Шаочэня:

— Генерал, у меня есть небольшая просьба, вы можете ее выполнить?

Чу Шаочэнь похлопал его по спине:

— Что это?

Чи Нин немного смутился и, откашлявшись, сказал:

— Как Альфа, вы должны поддерживать образ Омеги как внутри, так и снаружи, так же, как я защищаю вас, так что...

— Пожалуйста, забудьте о том, что только что произошло, не вспоминайте никогда.

Чи Нин, хоть и был Омегой, но тоже хотел сохранить лицо.

Плакать от ссоры — это слишком неловко.

Автору есть что сказать:

Действительно, бывает так, что во время ссоры можно расплакаться, и это подтверждается фактами.

Это отражает человеческую природу — иногда эмоции берут верх, и, даже несмотря на попытки оставаться сильным, слезы могут появиться. Важно помнить, что проявление эмоций — это нормально, и каждый имеет право на свои чувства, независимо от статуса или роли в обществе.

<http://bllate.org/book/13925/1226919>